

Десовестизация

Предисловие автора

Когда я был начинающим читателем, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы ты помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», а то ведь так и не рассказал нам, как Безухов стал декабристом, а Наташа поехала за ним в Сибирь. Или — Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Брюсов дописал, но это совсем не то. Жаль!

Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение — публицистика былых времен. Она доносит бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, которые сотрясали людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это вовсе не прошлогодний снег, это, скорее, некогда раскаленная, а теперь застывшая лава. И ее прихотливые нагромождения, если присмотреться, странно напоминают ландшафт нашей нынешней жизни. Впрочем, ничего удивительного: все проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашей землей, историей, верой вкупе с супостатами — внутренними и внешними. Прочтешь порой какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаемного охмурылу и ахнешь: «Ну, Федор Михайлович, ну, пророчище!»

И все же: почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или

комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи — общенародную собственность? А ведь есть еще эпиграммы, памфлеты, антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной, а то и подлой действительностью. Но литераторы, в том числе автор этих строк, продолжают упорно писать статьи, отвлекаясь от создания полноценных текстов. Почему? А потому, что художественное творчество — дело долгое, трудоемкое, противоречивое и непредсказуемое. Пишет человек, пишет, правит, переделывает, вскакивает в восторге из-за письменного стола, называет себя от избытка чувств «сукиным сыном», а потом вдруг раз — рукопись в печку. И нет второго тома «Мертвых душ», а есть «Выбранные места из переписки с друзьями», которые лучше читать на ночь, от перевозбуждения.

Да и само влияние художественного текста на общество, если признаться, неочевидно и ненадежно, оно напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. А что делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство — тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как верно пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив. Этим он многое теряет перед иными племенами, злопамятными и мстительным...

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сарказмах романиста. Один крупный кремлевский политтехнолог, родственник видного прозаика, даже взомлел от счастья, узнав себя в романе Александра Проханова «Виртуоз», и потом в знак благодарности оказывал поддержку газете «Завтра», за что ему отдельное спасибо.

Но не дай бог заикнуться о том же самом в статье да еще в популярной периодике: старуха Цензура тут же заточит

свой синий карандаш. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома. Все антиельцинские издания были к тому времени запрещены, и мой текст оказался единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, стократ проклятые за жестокость большевики Учредительное собрание всего-навсего распустили. Почувствуйте разницу!

В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то черный список, из которого вычеркнули только после прихода Путина, а теперь, после цикла статей «Желание быть русским» (вы найдете его в этом томе), кажется, снова внесли. Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы тогда, в 1993-м, разом вылетели мои повести, а из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до мая 2001 года, когда меня призвали туда главным редактором. Нет, я не жалею, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

В мае 1994-го в той же «Комсомольской правде» было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотического бума». Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволнений. В самом деле, в то время слово «патриот» стало почти бранным, а теледикторы если и произносили его, то с непременной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда у реформаторов взялась уверенность, что строить новую Россию нужно на фундаменте стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в «новой России» лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешевым туземным сырьем. С патриотизмом новая власть боролась так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно.

Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогостоящие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развеваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговением. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я все-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Когда в 1997-м я впервые собрал воедино статьи, написанные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, во-вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях. А, поверьте, искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно своей откровенностью прежде всего интересен литератор. Лукавство — это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет, это, наверное, какая-то мутация, вроде клопов с запахом «Шанели». И нынче редкий столп общества или вечно лояльный деятель культуры отважится свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости.

Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если и обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей и цементированная лукавством, падает на головы строителям. За минувшие два десятилетия я выпустил несколько сборников публицистики, и по названиям можно проследить, как менялись мои настроения, симпатии и устремления. Судите сами: «От империи лжи — к республике вранья», «Порнократия»,

«Россия в откате», «Зачем вы, мастера культуры?», «Государственная недостаточность», «Лезгинка на лобном месте», «Созидательный реванш», «Левиафан и Либерифан», «Перелетная элита», «Быть русским в России», «Босх в помощь!»...

Готовя тексты к печати, я лишь исправил ошибки, неточности и погрешности стиля, объяснимые жгучей торопливостью, но оставил в первоизданном виде все прочее, хотя мне и неловко за иные тонкоголосые пророчества и наивные суждения. Зато некоторыми моими прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остается лишь завистливо цокать языками.

И последнее замечание. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар — социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зерна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему проктологом. Да, художник имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека — свои помрачения сердца. Но об этом — в моих романах, повестях, пьесах...

2013, 2020, Переделкино

«Готтентотская мораль»

Перед вами — новенький «Мерседес». Будучи плюралистически мыслящей личностью, вы можете оценить это чудо западного автомобилестроения по-разному. Например — в долларах. Или — в лошадиных силах. Или — в количестве нервной энергии, потраченной деловым человеком, чтобы заработать эту валюту. Не исключена оценка в тоннах — в том смысле, сколько понадобилось сплавить за рубеж цветных металлов, дабы мечта о «Мерседесе» материализовалась. Наконец, можно оценивать и по количеству пенсионеров, роющихся в помойках вследствие «преобразований», которые позволили предприимчивому человеку сменить одну иномарку на другую.

Что ж, о «цветущей сложности» жизни писал еще классик. Но если из всего многообразия точек зрения вы облюбовываете и абсолютизируете только одну и только потому, что она вам выгодна, то знайте: такое отношение к миру и живущим рядом называется «готтентотской моралью». Это — этическая система, точнее, антисистема, обладающая колоссальной разрушительной силой, хотя происхождение самого термина — «готтентотская мораль» — даже забавно.

Однажды миссионер спросил готтентота: «Что такое зло?» «Это когда сосед украл у меня барана», — ответил тот. «Ну хорошо, а что же такое добро?» — «Это когда я украл у соседа барана...» Несмотря на первобытную незатейливость этого миропонимания, а может быть, именно благодаря ей, «готтентотская мораль» все шире овладевает нашим обществом, все глубже проникает в него.

Возьмем, к примеру, самое страшное из всего, что происходит сейчас на нашей земле, — межнациональные войны

и конфликты. Если вы попытаетесь уловить логику в предъ-
явлении территориальных претензий, то просто голова за-
кружится. В ход идет все: и затерявшаяся в веках история
вхождения того или иного народа в Российскую Империю,
и нелепые административные границы, нагроможденные
неуспешными гимназистами, с горя пошедшими в револю-
цию, и пакт «Молотова — Риббентропа», толкуемый как
кому вздумается, и хрущевские щедроты, и автографы, ко-
торые в пылу борьбы за власть раздавали уже ныне дей-
ствующие руководители... Впрочем, логика все же есть —
«готтентотская».

С особой грустью смотрю я на экран телевизора. Ведь как
нам грезило: лишь падет большевистская цензура — полу-
чим мы объективную информацию о времени и о себе. Увы,
ленинский принцип партийности (разновидность «готтен-
тотской морали») продолжает торжествовать на ТВ, правда,
с обратным политическим знаком. Ну в самом деле, почему
я должен узнавать последние новости в версии искромечу-
щего Гурнова или трепетного Флярковского? Я просто-на-
просто хочу получать информацию, изложенную по возмож-
ности телегеничным и обладающим четкой артикуляцией
диктором. А выводы я могу сделать сам.

Не знаю, как другим, но мне кажется подозрительным,
когда про необходимость референдума о земле на телеэкране
говорят, поют и даже пляшут, а противоположная точка зре-
ния дается впроброс, да еще со словами комментатора, точно
извиняющегося за «дауна», испортившего гостям ужин. Лич-
но я за реформы и за демократическую Россию в широком
смысле этого словосочетания. Но я не понимаю, что такое
«враги реформ». Враги народа, что ли? Лично я сторонник
рыночной экономики. Но меня берет оторопь, когда симпа-
тичная дикторша вдруг злющим-презлющим голосом начи-
нает говорить о «красно-коричневых люмпенах». Допустим,
эти люди не хотят расставаться со своими коммунистически-
ми убеждениями так же быстро, как расстались с ними мно-
гие из тех, кто вбивал всем нам в головы эти убеждения, в
частности телевизионщики. А может быть, они вообще не
хотят расставаться со своими убеждениями? Это — их право.

История рассудит. Не будем забывать, что подобное уже было: красные профессора убедительно доказывали, а красные корреспонденты убедительно показывали неспособность крестьянина своим умом понять всю жуткую выгоду колхозов. «Готтентотская мораль» в мире информации — страшное дело!

Другой разговор — авторские программы. Если меня утомит пронзительный взгляд А. Политковского, словно бы подозревающего каждого своего собеседника в тяжком уголовном прошлом, я не стану смотреть «Политбюро», а буду оставаться с «Красным квадратом». Когда же я пресыщусь геополитическим конферансом А. Любимова, то переключусь на «Тему», где и без В. Листьева много достойных и умных людей. Но и в авторских программах хотелось бы более широкого спектра мнений. Например, по-моему, очевиден недостаток передач, сориентированных на формирование патриотических чувств. Нет, не советского патриотизма и не национал-патриотизма, а просто патриотических чувств. Ведь сегодня мы переживаем взрыв национального самосознания, некогда затоптанного силовым интернационализмом. Если этот взрыв оформится в цивилизованное патриотическое сознание — мы обречем колоссальный источник творческой энергии для возрождения Отечества, да и для умиротворения конфликтов. Патриот с патриотом договорится. Националист с националистом — никогда.

Поэтому, когда я вижу на экране эдаких саркастических небожителей, рассуждающих об «этой стране», точно речь идет не об их Родине, а о неведомой территории, заселенной недоумками, мне хочется им по-спикеровски сказать: «Эх, ребята, что-то вы все-таки недопонимаете, несмотря на ваши умные усмешки и тщательную английскую интонацию. (Кстати, хотел бы посмотреть на английского теледиктора, говорящего с русской интонацией!) Именно недопонимаете, ибо человек, не желающий быть патриотом, обречен однажды проснуться в стране, где к власти пришли фашисты...»

Однако вернемся к рассматриваемому нами феномену «готтентотской морали» и посмотрим теперь, что происходит в искусстве, в частности в литературе. Сегодня, когда меняется идеология, идет и переоценка ценностей эстетических.

Причем исподволь людям навязывается мнение: раз социально-политические принципы минувшей эпохи обанкротились, то изящную словесность этого времени тоже нужно выбросить в мусоропровод истории. Появился даже тип литературного предпринимателя — организатор поминок по советской литературе. Может быть, эти образованные и неглупые люди просто не понимают, что советская литература не исчерпывается беллетризованными комментариями к партийным постановлениям? Может быть, они не сознают, что место написания романа — Переделкино, Париж или котельная — далеко еще не определяет его художественный уровень? Понимают и сознают, просто тут мы как раз и вступаем в сферу «готтентотской морали».

Я искренне сочувствую иным нашим критикам и литературным активистам: им не терпится освободить ниши в старом «пантеоне», чтобы заставить их своими, собственно-ручно отформованными кумирами. Во-первых, льстит самолюбию, а во-вторых, обдывать пыль намного проще, чем пристально следить за сложными извивами художественного процесса и давать им честное профессиональное объяснение. Вчитайтесь в критические разборы, публикуемые как в левой, так и в правой печати, и вы заметите характерную «готтентотскую» закономерность: создание новых, посткоммунистических литературных авторитетов часто идет по старому, соцреалистическому принципу. Этот наш: по-нашему думает, по-нашему сочиняет — «подсажу-ка на пьедестал». Ну а если ты из чужой команды или вообще какой-нибудь литератор, пишущий сам по себе, значит, не то что понимания — пощады не жди!

Говоря об этом, не могу не остановиться на одном примечательном факте нашей литературной жизни. Состоялось вручение британской премии Букера за лучший российский роман этого года, и лучшим романистом оказался Марк Харитонов, запомнившийся читателям своей повестью про Гоголя, опубликованной в середине семидесятых в «Новом мире». А в шестерку сильнейших кроме него вошли Л. Петрушевская, В. Маканин, Ф. Горенштейн, А. Иванченко, В. Сорокин. Все эти имена у меня сомнений не вызывают,

а вызывают только уважение, за исключением, пожалуй, В. Сорокина, работы которого мне представляются подзатынувшимся и не очень талантливым розыгрышем как российской, так и зарубежной читающей публики. Хотя, быть может, я и ошибаюсь...

Но какое отношение к «готтентотской морали» имеет премия Букера, спросите вы? Имеет. И дело не в том, кто именно получил премию, хотя я бы на месте высокого жюри, коль уж выбирать из шестерых, поделил бы ее между Л. Петрушевской и В. Маканиным. А дело в том, что все шестеро принадлежат к одному, пусть уважаемому, достойному, но все-таки одному течению отечественной словесности. Конечно же, как люди одаренные, они не похожи друг на друга, но эта непохожесть, по-моему, укладывается в рамки общего эстетического и духовного направления. Только ведь, как я понимаю, наши британские доброжелатели намеревались в трудную годину поддержать всю российскую словесность, а не одно, пусть даже очень перспективное ее направление. Полагаю, учредители премии сами будут огорчены, когда поймут, что эта благотворительная акция вызвала в литературном мире больше недоуменных вопросов, чем слов благодарности. Впрочем, заграничным благодетелям не привыкать: они часто видят свою гуманитарную помощь на кооперативных прилавках и втридорога...

Однако вернемся к нашим отечественным деятелям и госмужам, которые с родной словесностью поступают совершенно «по-готтентотски». Пока они боролись за власть, они охотно пользовались ее извечной тягой к переустройству мира. Но, усевшись в кресла, как-то сразу про нее и позабыли. А может быть, наоборот — очень хорошо запомнили, на что способна российская литература, возжаждавшая перемен! Во всяком случае, прежде стоял вопрос, может ли писатель на свои заработки содержать семью. Сегодня стоит вопрос, может ли семья на свои заработки содержать писателя. Тоталитарный режим гноил юные таланты в котельных и сторожках — это общеизвестно. Но мало кто знает, что нынче и молодым, и пожилым литераторам гораздо чаще приходится идти в дворники, чем лет десять назад.